

ДИАНА ФУРСОВА

A woman with dark hair styled in an updo, wearing a white, long-sleeved wedding dress with a deep V-neckline and a fitted bodice, stands in a tailor's shop. A measuring tape is draped around her waist. She is looking off to the side. Next to her, a man with dark hair and a beard, wearing a dark suit and a patterned vest, looks at her. In the background, there is a mannequin wearing a white lace wedding dress, a large window showing a city view, and shelves with various items like fabric and jewelry.

НЕНУЖНАЯ
ЖЕНА
ДРАКОНЬЕГО ЛОРДА

АТЕЛЬЕ ДЛЯ
ПРОКЛЯТЫХ НЕВЕСТ

Диана Фурсова

Ненужная жена драконьего лорда. Ателье для проклятых невест

<https://litres.ru/74425603>

Аннотация

Семь лет я была идеальной женой драконьего лорда. Спокойной, удобной и, как считали все вокруг, совершенно бездарной.

А потом муж объявил о разводе перед двумя сотнями гостей — и предложил мне богатое поместье, содержание и тихую жизнь подальше от столицы.

Я выбрала другое.

Старое заброшенное ателье на улице Фонарщиков, которое двадцать лет считалось несчастливым.

Вот только в первую же ночь выяснилось, что обычным это ателье никогда не было.

Ко мне прибежала невеста в свадебном платье, которое не желало её отпускать. На изнанке обнаружился второй, скрытый узор. Серебряный инструмент из потайного ящика откликнулся только на мою руку. А после расторжения моего собственного брака почему-то погасла родовая печать бывшего мужа.

Теперь у дверей моего ателье стоят экипажи женщин, которые боятся собственных свадебных нарядов, могущественная Гильдия требует прекратить мою работу, а Королевский хранитель печатей Тейр Лаверн пришёл выяснить, кто позволил мне вмешиваться в брачную магию.

Он должен был закрыть мою лавку.

Вместо этого мы нашли тайну, спрятанную в венечных узорах лучших домов столицы.

И чем ближе правда, тем страшнее вопрос:

если все семь лет у меня действительно не было дара — почему после нашего развода силу потерял именно мой драконий лорд?

Содержание

Глава 1. Брак, который распустился по шву	5
Глава 2. Ателье за одну корону	44
Глава 3. Невеста без имени	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Глава 1. Брак, который распустился по шву

Эврайна поняла, что муж собирается от неё избавиться, в тот самый миг, когда увидела своё кресло пустым.

На больших приёмах дома Аркро существовали правила, которые никто не записывал, потому что настоящей знати не полагалось нуждаться в объяснениях. Старшие представители рода сидели справа от хозяина, почётные гости — слева, младшие родственники занимали места ближе к высоким окнам, а жена драконьего лорда неизменно находилась рядом с супругом.

Семь лет Эврайна сидела по правую руку от Сорвейна.

Сегодня её кресло отодвинули почти к самому краю возвышения.

На прежнем месте сидела Алейса Торн.

До начала церемонии оставалось не меньше четверти часа, музыканты ещё настраивали инструменты за резной перегородкой, слуги бесшумно двигались между столами, поправляя серебряные приборы, а по залу струился привычный гул светских разговоров. Никто не объявлял ничего необычного.

И всё же почти две сотни собравшихся уже знали то, чего не знала законная хозяйка дома.

Это было видно по тому, как от неё отводили глаза.

По тому, как леди Керрана, прежде всегда спешившая похвалить новый наряд Эврайны, вдруг чрезвычайно заинтересовалась узором на собственном веере.

По тому, как старый лорд Брайнор, встречавший её на каждом Совете одинаково громогласным приветствием, ограничился сухим наклоном головы.

По тому, как две молодые девушки у колонны перестали шептаться именно тогда, когда Эврайна прошла мимо.

Она остановилась всего на мгновение.

Этого оказалось достаточно, чтобы сидевшая рядом с Алейсой женщина поспешно подалась к ней и что-то сказала. Алейса обернулась.

На ней было платье цвета светлого серебра, почти белое, с высокой линией талии и узкими рукавами, поверх которых золотыми нитями были вышиты ветви терновника — герб рода Торн. Свет от сотен магических светильников ложился на вышивку так удачно, что казалось, будто ветви движутся при каждом вдохе.

Свадебный цвет.

Не совсем белый, конечно. Явиться на чужой приём в настоящем брачном платье не позволила бы себе даже самая самоуверенная наследница великого рода.

Но намёк был достаточно прозрачным.

Алейса поднялась.

— Леди Аркро.

Она произнесла титул без запинки, однако Эврайна успела заметить короткую паузу перед последним словом.

Пока ещё Аркро.

— Леди Торн.

Эврайна улыбнулась, потому что умела улыбаться тогда, когда от неё этого ждали. За семь лет брака она довела это умение почти до совершенства.

Алейса была моложе её на два года, красива спокойной аристократической красотой и сейчас выглядела не торжествующей, а скорее напряжённой. Она даже сделала движение, словно собиралась освободить кресло.

— Мне сказали, что рассадку изменили по распоряжению лорда Аркро.

— Разумеется.

Эврайна посмотрела на Сорвейна.

Он стоял у дальних дверей вместе с тремя членами Высшего совета и слушал высокого седого мужчину. Чёрный парадный камзол сидел на нём безупречно, золотая цепь советника пересекала грудь, а на левом плече поблёскивал знак главы дома Аркро — дракон с раскрытыми крыльями.

Когда-то Эврайна могла отыскать мужа в любом зале, даже стоя к нему спиной. Она чувствовала его присутствие необъяснимым внутренним теплом, которое считала одним из проявлений вечной связи.

Последние два года она почти перестала его ощущать.

Сейчас Сорвейн словно почувствовал её взгляд и повер-

нул голову.

Их глаза встретились.

Он не улыбнулся.

Не подошёл.

Только едва заметно наклонил голову в сторону её нового места.

Эврайна поняла окончательно.

Ей не собирались сообщать новость наедине.

Её собирались выставить за дверь перед всеми.

Она прошла к отодвинутому креслу, села и аккуратно расправила юбку. Ладони хотелось спрятать под столом, но она положила их поверх ткани, одну на другую, потому что прятать дрожащие пальцы означало признать, что происходящее задело её сильнее, чем позволительно женщине её положения.

Глупость.

Разумеется, задело.

Семь лет невозможно выбросить из жизни одним переставленным креслом.

Хотя Сорвейн, кажется, решил попробовать.

— Ты знала?

Вопрос прозвучал справа.

Эврайна повернулась к пожилой леди Корвел, дальней родственнице мужа, единственному человеку за столом, который смотрел на неё прямо.

— О чём именно?

Леди Корвел сжала губы.

— Значит, нет.

— Теперь я примерно представляю.

— Я говорила ему, что это необходимо сделать иначе.

— Как мило с вашей стороны.

Старуха нахмурилась.

— Не смей принимать мой стыд за жалость, девочка. Жалость унижает того, кому её предлагают. Мне стыдно за мужчину, которого я помогала воспитывать.

Эврайна не успела ответить.

Музыка смолкла.

По залу прокатилась почти физически ощутимая волна тишины.

Сорвейн поднялся на возвышение.

В обычный вечер он начал бы с приветствия гостей, нескольких слов о союзе великих домов и благодарности тем, кто приехал из дальних земель. Сегодня он остановился в центре, дождался, пока закроются двери, и сразу посмотрел на Эврайну.

Вот так просто.

Без вступления.

Она вдруг вспомнила их свадьбу.

Тот же дом, только меньший зал. Сорвейну было двадцать семь, ей — двадцать два, и он держал её руку так крепко, будто боялся, что она передумает.

«Если станет страшно, смотри только на меня», — про-

шептал он тогда перед тем, как венечный мастер сделал первый золотой стежок на их церемониальных одеждах.

Она смотрела.

И верила.

Сейчас Сорвейн говорил другим голосом.

— Благодарю вас за то, что приняли приглашение дома Аркро. Сегодняшний вечер должен был быть посвящён обсуждению зимней сессии Совета, однако обстоятельства требуют, чтобы прежде я сделал заявление личного характера.

По залу никто даже не пошевелился.

Все уже знали.

И только ради неё разыгрывали спектакль неожиданно-сти.

— Семь лет назад я заключил брак с Эврайной Мерсель.

Не «с моей женой».

Не «с леди Эврайной».

Даже не «мы заключили брак».

Я.

С Эврайной Мерсель.

Каждое слово осторожно отрезало её от дома Аркро ещё прежде, чем появился официальный документ.

— Этот союз был заключён с согласия обеих семей и скреплён по всем законам короны. Однако за семь лет венечная связь так и не достигла полной силы.

Эврайна почувствовала, как леди Корвел рядом напряглась.

Вот, значит, какую формулировку они выбрали.

Очень хорошую.

Очень чистую.

Почти безупречную.

Сорвейн продолжал:

— Дом Аркро несёт ответственность не только перед собственными членами. Моё положение в Высшем совете обязывает меня думать о будущем рода и о тех обязательствах, которые он принимает на себя перед короной.

Где-то за ближайшим столом кто-то осторожно поставил бокал.

Тихий звон показался оглушительным.

— В течение семи лет леди Эврайна не раскрыла магического дара, который мог бы войти в силу дома Аркро. Венечная связь остаётся односторонней, а предназначение союза не исполнено.

Односторонней.

Эврайна медленно вдохнула.

По крайней мере, теперь она знала, как её брак будут обсуждать завтра утром.

Ненужная жена.

Бездарная Мерсель.

Женщина, семь лет занимавшая место, которого не заслуживала.

Впрочем, некоторые называли её так и раньше, только не в лицо.

Род Мерсель никогда не относился к великим. Её отец владел несколькими мастерскими на востоке столицы и когда-то имел достаточно денег, чтобы выдавать себя за человека более значительного, чем был на самом деле. После его смерти оказалось, что состояние существовало преимущественно на бумаге.

Сорвейн тогда не отказался от помолвки.

Напротив, настоял на свадьбе.

Эврайна много лет считала это доказательством любви.

Теперь даже это воспоминание начинало выглядеть иначе.

— После долгого обсуждения с представителями моего дома и с согласия венечного суда мной подано прошение о расторжении брачного союза.

На этот раз по залу всё-таки прошёл шум.

Не потому, что кто-то удивился.

Просто приличия позволяли теперь удивляться официально.

Эврайна сидела неподвижно.

Перед ней стоял бокал с водой. На тонком стекле отражались золотые огни зала, и ей почему-то отчаянно хотелось поправить его, чтобы огоньки выстроились ровнее.

Она заставила себя посмотреть на мужа.

Сорвейн говорил спокойно, уверенно и даже достойно.

Он всегда прекрасно выступал перед публикой.

Эврайна много раз сидела в галерее Совета и наблюдала, как он убеждал людей принять решения, против которых те

пришли голосовать. Он умел подбирать формулировки, не оставлявшие места для прямого возражения.

Сейчас этим даром он превращал семь лет их жизни в неудачный договор.

— Прощение рассмотрено. Формальных препятствий для расторжения не установлено.

Значит, всё решено заранее.

Она должна была догадаться.

Последние два месяца Сорвейн возвращался домой поздно. В его кабинете бывали поверенные. Дважды приезжал главный венечный мастер столицы. Когда Эврайна спрашивала, не происходит ли что-то важное, муж отвечал, что Совет готовит крупную реформу.

И она верила ему.

Нет, не так.

Она выбирала верить.

Разница вдруг стала мучительно очевидной.

— Дом Аркро намерен исполнить все имущественные обязательства перед леди Эврайной, — продолжал Сорвейн. — Ей будет предоставлено содержание, соответствующее её прежнему положению, а также загородный дом Риаль с землями и прислугой.

На дальних местах несколько женщин обменялись взглядами.

Дом Риаль.

Красивое название для маленького поместья в трёх днях

пути от столицы.

Эврайна бывала там однажды. Двадцать комнат, яблоневый сад, речка, ближайший город в двух часах езды.

Прекрасное место для женщины, которую хотят удалить достаточно далеко, чтобы она перестала попадаться на глаза, но достаточно достойно, чтобы никто не смог обвинить бывшего мужа в жестокости.

Сорвейн предусмотрел всё.

Почти всё.

— Взамен, — произнёс он, — леди Эврайна отказывается от дальнейших имущественных требований к дому Аркро и от использования титула после завершения установленного законом срока.

Вот оно.

Взамен.

Конечно.

Леди Корвел тихо выругалась.

Эврайна едва не улыбнулась.

Сорвейн наконец посмотрел не на зал, а прямо на неё.

— Эврайна.

Все головы повернулись следом.

— Подойди, пожалуйста.

Семь лет назад он произнёс её имя почти так же, приглашая к венечному столу.

Она встала.

Юбка цвета тёмной сливы мягко скользнула по ступеням.

Это платье Эврайна выбрала сама, отклонив три предложенных портнихой варианта. На груди и по рукавам тянулся старый венечный узор — золотая вышивка, вплетённая в ткань семь лет назад и с тех пор переходившая с одного парадного наряда на другой с помощью особого переноса.

Когда-то линии казались ей прекрасными.

Теперь они напоминали цепи.

Эврайна поднялась на возвышение и остановилась напротив мужа.

Вблизи стало заметно, что Сорвейн не настолько спокоен, каким казался из зала. У основания большого пальца правой руки побелела кожа — он сильно прижимал его к краю свитка.

Мелочь.

Эврайна знала мужа достаточно хорошо, чтобы заметить её.

— Ты мог сказать мне утром, — произнесла она негромко.

Её голос слышали только ближайшие гости.

— Я собирался.

— И что помешало?

Сорвейн помолчал.

— Я хотел избавить нас от тяжёлого разговора.

— Поэтому решил провести его перед двумя сотнями свидетелей?

На его лице промелькнуло раздражение.

Знакомое.

Раньше Эврайна всегда отступала, заметив это выражение. Не потому, что боялась мужа. Просто считала бессмысленным спорить в тот момент, когда Сорвейн уже принял решение.

Сегодня отступить было некуда.

— Все необходимые условия подготовлены, — сказал он.
— Тебе не придётся заниматься формальностями.

— Очень предусмотрительно.

— Эврайна.

Он произнёс её имя предупреждающе.

И впервые за семь лет это не заставило её смягчиться.

За их спинами один из поверенных разложил на столе документы.

— Условия щедрые, — продолжил Сорвейн уже тише. — Дом Риаль остаётся за тобой пожизненно. Дохода хватит на достойную жизнь. Я позабочусь, чтобы у тебя не возникло никаких трудностей.

Эврайна посмотрела ему в глаза.

— Какая удача. А я уже начала беспокоиться, что после семи лет брака мне придётся столкнуться с трудностями.

Он резко выдохнул через нос.

— Не делай происходящее хуже, чем оно есть.

Эта фраза ранила сильнее публичного объявления.

Не потому, что была жестокой.

Потому что Сорвейн искренне считал её разумной.

Он действительно не понимал, что именно сделал.

— А что происходит? — спросила Эврайна. — Объясни мне, пожалуйста. Только без Совета, обязательств рода и предназначения союза. Что происходит между тобой и мной?

Сорвейн посмотрел в сторону сидевшей Алейсы.

Ему хватило одного взгляда.

Эврайне — тоже.

Внутри что-то болезненно сжалось, однако странным образом стало легче. Незнание закончилось.

— Род Торн предложил союз, — произнёс он.

— Когда?

— Это имеет значение?

— Теперь уже исключительно из любопытства.

Он снова помолчал.

— Три месяца назад.

Три месяца.

Эврайна вспомнила зимний ужин, на котором Сорвейн подарил ей серьги с дымчатыми камнями. Поездку в старую оранжерею за городом. Вечер, когда они сидели у камина и он рассказывал о сложностях в Совете, положив голову ей на колени.

В тот момент предложение Торнов уже лежало на его столе.

— И леди Алейса согласилась?

— Переговоры завершены.

Удивительно точный ответ человека, который не хотел

произносить простое «да».

Эврайна повернула голову.

Алейса смотрела на неё.

Не торжествовала.

Не улыбалась.

Но и глаз не отвела.

— Когда свадьба?

Сорвейн напрягся.

— Это сейчас не имеет отношения к нашему разговору.

— Значит, скоро.

— Эврайна.

— Я услышала.

Она отступила на полшага и посмотрела на разложенные документы.

Поверенный, худощавый мужчина по имени мастер Норвей, которого Эврайна много раз видела в доме, осторожно подвинул к ней первый лист.

— Леди Аркро, здесь перечислены условия передачи имущества. Если вы желаете, я могу прочитать каждый пункт.

— Я умею читать, мастер Норвей.

— Разумеется.

Он покраснел.

Эврайна взяла документ.

В первую минуту буквы расплывались. Пришлось заставить себя сосредоточиться.

Дом Риаль.

Двадцать две тысячи золотых марок ежегодного содержания.

Четыре слуги, содержание которых оплачивает род Аркро.

Карета.

Две лошади.

Право использовать фамилию Аркро ещё шесть месяцев после расторжения.

Запрет оспаривать решение венечного суда.

Отказ от любых требований на имущество рода.

Отказ от участия в столичных делах дома Аркро.

Последний пункт был сформулирован особенно изящно.

«Во избежание обстоятельств, способных нанести ущерб достоинству обеих сторон, госпожа Эврайна Мерсель принимает обязательство вести преимущественное место проживания за пределами столичного округа».

Она перечитала дважды.

— Значит, мне запрещено жить в столице.

— Не запрещено, — поправил Сорвейн. — Речь идёт о преимущественном проживании.

— Насколько преимущественном?

Мастер Норвей кашлянул.

— Не менее девяти месяцев в году.

— Какая тонкая разница.

Сорвейн подошёл ближе.

— Так будет проще для всех.

— Для тебя.

— И для тебя тоже. Первые месяцы неизбежно будут сопровождаться слухами. В Риале ты сможешь переждать их вдали от внимания.

Эврайна посмотрела на гостей.

Вот, значит, как он представлял её будущее.

Она уезжает.

Столица несколько недель обсуждает несостоявшуюся жену великого лорда, потом переключается на великолепную свадьбу Аркро и Торн.

А Эврайна остаётся в маленьком загородном доме с хорошим содержанием, четырьмя слугами и яблоневым садом.

Ей будет удобно.

Спокойно.

Безопасно.

До конца жизни.

И ни разу не придётся решать, кем она является без Сорвейна.

От этой мысли стало страшнее, чем от самого развода.

— Нет, — сказала она.

Сорвейн не сразу понял.

— Что?

— Я не согласна.

В зале кто-то перестал шептаться.

Поверенный замер над бумагами.

— Эврайна, — начал Сорвейн, — условия уже согласова-

ны.

— Не со мной.

— Твоё согласие на расторжение не требуется при подтверждённой несостоятельности венечной связи.

Слова были жестоки именно своей юридической точностью.

Эврайна кивнула.

— На расторжение — нет. На имущественное соглашение — требуется.

Мастер Норвей посмотрел на неё с неожиданным интересом.

Сорвейн нахмурился.

— Чего ты хочешь?

Вот и всё.

Семь лет брака завершились вопросом о цене.

Эврайна снова опустила взгляд к документу.

Она могла потребовать больше денег.

Дом в столице.

Земли.

Долю в торговых предприятиях Аркро.

Драгоценности, большая часть которых после развода должна была вернуться в родовую сокровищницу.

Она могла торговаться и, вероятно, получила бы достаточно, потому что Сорвейн хотел закончить всё сегодня.

Но впервые ей не хотелось взять у него как можно больше.

Хотелось получить что-то, после чего не пришлось бы за-

висеть от его щедрости.

— Перечень собственности дома, которая не входит в родовой резерв, — сказала она.

— Зачем?

— Я хочу его увидеть.

— Эврайна, выбери городской дом, если Риаль тебе настолько неприятен.

— Я попросила перечень.

Что-то изменилось в его взгляде.

Наверное, он впервые осознал, что сегодня она не станет просто выполнять предложенный порядок действий.

— Принесите, — сказал он поверенному.

Мастер Норвей извлёк из кожаной папки несколько страниц.

Список оказался длиннее, чем ожидала Эврайна.

Дом Аркро владел складами, мастерскими, доходными зданиями, двумя небольшими гостиницами, пустующими участками и помещениями, о существовании которых она никогда не слышала.

Она читала медленно.

Сорвейн ждал.

Гости тоже.

Эврайна чувствовала их нетерпение почти кожей.

Шёлковый склад у северных ворот.

Дом на Мостовой.

Половина доли в стекольной мастерской.

Старая конюшня на Нижнем тракте.

Трёхэтажное здание на улице Фонарщиков, номер семнадцать.

Назначение: бывшее ателье.

Статус: закрыто.

Доход: отсутствует.

Оценочная стоимость была настолько низкой, что Эврайна перечитала строку.

— Это, — сказала она.

Сорвейн посмотрел на указанное место.

— Что?

— Здание на улице Фонарщиков.

На этот раз он действительно рассмеялся.

Не громко, скорее от неожиданности.

И именно этот короткий смех окончательно уничтожил последние остатки желания Эврайны сохранить хотя бы видимость достоинства их брака.

Не её достоинства.

Его.

— Ты серьёзно?

— Совершенно.

— Эврайна, оно стоит меньше годового содержания, которое я тебе предлагаю.

— Тем легче тебе будет с ним расстаться.

— Это развалина.

— Значит, я не нанесу дому Аркро непоправимого ущер-

ба.

Уголок его рта дёрнулся.

— Ты хоть знаешь, где находится улица Фонарщиков?

— В западной части Старого квартала.

— Там приличные люди не живут уже лет двадцать.

— Прекрасно. Никто не станет обсуждать мой развод за соседним забором.

— В здании никто не работал много лет.

— Значит, мне не придётся увольнять прежних работников.

Сорвейн перестал улыбаться.

— Что ты собираешься с ним делать?

Эврайна посмотрела на строчку.

Бывшее ателье.

Ответа она не знала.

В детстве она любила сидеть в мастерской матери, пока та выбирала ткани и спорила с портнихами. Позже, когда семейное состояние пошатнулось, Эврайна научилась переделывать собственные платья, потому что покупать новые к каждому приёму стало невозможно.

После замужества Сорвейн однажды увидел её за работой и удивился.

«Зачем тебе это? У нас достаточно денег».

Она больше не шила при нём.

Семь лет спустя он собирался подарить ей достаточно денег, чтобы она никогда не занималась ничем вообще.

— Пока не решила.

— Тогда возьми Риаль.

— Нет.

— Городской дом.

— Нет.

— Деньги без поместья.

— Нет.

Он посмотрел на неё с явным раздражением.

— Ты отказываешься от имущества, которое стоит в несколько десятков раз больше, ради заброшенного здания?

— Да.

— Почему?

Эврайна сложила перечень.

— Потому что здание станет моим. Не пожизненно, пока дом Аркро великодушно разрешает мне там находиться. Не до тех пор, пока Совет не изменит правила. Не при условии, что я проведу девять месяцев в году там, где меня никто не увидит. Моим.

Сорвейн ничего не сказал.

Тишина вокруг стала иной.

До этого присутствующие наблюдали развод знатного человека.

Теперь они слушали спор.

— Передайте мне ателье без ограничений, — продолжила Эврайна. — Полное право собственности. Кроме того, я оставляю личные вещи, которые привезла в дом до брака, и

те украшения, что были подарены мне лично, а не выданы из сокровищницы Аркро.

— И содержание?

Она на мгновение задумалась.

Было бы очень красиво отказаться и от денег.

Красиво и чрезвычайно глупо.

Эврайна не знала, сколько потребуется на восстановление здания. Не знала даже, пригодно ли оно для жизни. Независимость не означала необходимости завтра же начать голодать ради эффектного жеста.

— Первый год, — сказала она. — Содержание, предусмотренное брачным договором, выплачивается мне полностью. После этого прекращается.

Сорвейн удивился.

— Ты могла получать его пожизненно.

— Могла.

— И сама отказываешься?

— Через год.

— Зачем?

— Потому что к тому времени я намерена понять, каким образом жить без твоих денег.

Это прозвучало спокойнее, чем она себя чувствовала.

Сорвейн долго смотрел на неё.

— Ты никогда не занималась делами.

Эврайна почти улыбнулась.

— Значит, у меня впереди несколько занимательных от-

крытий.

— Управление недвижимостью — не игра.

— Я запомню.

— Я пытаюсь не унижить тебя.

— Тогда перестань объяснять мне, на что я неспособна, перед залом, который только что услышал, что я семь лет была недостаточно полезна твоему роду.

Он замолчал.

Мастер Норвей опустил глаза, однако Эврайна заметила, что мужчина едва заметно кивнул.

Сорвейн провёл ладонью по краю стола.

— Хорошо. Ателье твоё.

— И пункт о проживании вне столицы исключается.

— Эврайна.

— Иначе соглашения не будет. Брак ты расторгнешь и без меня, а имущество придётся делить по суду. Думаю, свадьбу с леди Торн это несколько задержит.

Она не планировала произносить последнее предложение.

Но оно сработало.

Сорвейн бросил быстрый взгляд в сторону Алейсы.

— Исключите пункт, — приказал он поверенному.

Мастер Норвей немедленно взял перо.

— Полное право собственности на здание по улице Фонарщиков, семнадцать, переходит госпоже Эврайне Мерсель после завершения венежного расторжения. Годовое содержание выплачивается в течение двенадцати месяцев равными

долями. Ограничение места проживания исключается.

— И долги здания, если они есть? — спросила Эврайна.

Поверенный замялся.

Сорвейн усмехнулся.

— Я же говорил, что это развалина.

— Долги?

— Налоговых нет, — быстро ответил мастер Норвей. — Однако числятся неоплаченные городские сборы за обслуживание улицы и старое требование от Гильдии ремесленных домов.

— Сумма?

Он назвал её.

Эврайна поморщилась.

Не катастрофа.

Но заметно.

— Я принимаю их вместе со зданием.

Сорвейн покачал головой.

— Твоё упрямство иногда поражает.

— Жаль, что ты обнаружил это только сегодня.

На этот раз леди Корвел за спиной откровенно хмыкнула.

Пока поверенный переписывал документы, в зал вернулась музыка. Негромкая, почти осторожная. Гости снова начали разговаривать, однако никто уже не притворялся, будто не следит за происходящим.

Эврайна отошла к окну.

За стеклом лежала тёмная столица. Высокие шпили цен-

трального квартала сияли золотыми контурами, над крышами медленно двигались огни воздушных экипажей, а далеко на западе тонули в вечерней дымке районы, где начиналась улица Фонарщиков.

Где-то там теперь находилось её имущество.

Единственное настоящее имущество.

Возможно, с дырявой крышей.

С долгами.

Без единого работника.

Она понятия не имела, что будет делать завтра утром.

И впервые за много лет эта неизвестность почему-то не только пугала.

— Ты всегда это умела?

Голос Алейсы прозвучал рядом.

Эврайна обернулась.

Будущая жена Сорвейна стояла в нескольких шагах, держа в руках бокал, к которому так и не притронулась.

— Что именно?

— Торговаться с ним.

— Нет.

— Тогда почему сегодня?

Эврайна посмотрела на неё внимательнее.

Вопрос не звучал насмешкой.

— Наверное, потому что раньше мне казалось важнее сохранить мир.

— А теперь?

— Теперь сохранять нечего.

Алейса опустила взгляд.

На мгновение Эврайне захотелось спросить: любишь ли ты его?

Глупый вопрос.

Даже если любит, ответ ничего не изменит.

Даже если нет — тоже.

— Мне жаль, что всё произошло так, — сказала Алейса.

Эврайна ощутила внутри короткий болезненный укол.

— Но не настолько жаль, чтобы отказаться от свадьбы?

Алейса подняла глаза.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Нет, — ответила она наконец.

Честно.

Это почему-то оказалось легче вынести, чем жалость.

— Тогда не извиняйтесь, леди Торн. Извинение предполагает, что человек хотел бы изменить свой поступок.

На лице Алейсы мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Вы меня ненавидите?

— Я вас почти не знаю.

— Для ненависти это не всегда необходимо.

— Мне сегодня и без неё есть о чём подумать.

Эврайна собиралась отойти, но взгляд зацепился за золотую вышивку на рукаве Алейсы.

Терновые ветви.

Красивые, тонкие, выполненные мастерицей с великолеп-

ной рукой.

И всё же один фрагмент показался неправильным.

Эврайна приблизилась на полшага.

— Простите.

— Что?

— Ваша вышивка.

Она указала на участок возле запястья.

— Здесь ошибка?

Алейса посмотрела на рукав.

— Не думаю. Платье закончили только вчера.

— Кто шил?

— Дом Вельт. Они работают с моей семьёй много лет.

Эврайна почти коснулась нити, но вовремя остановилась.

На мгновение ей показалось, что под обычным золотым стежком проходит ещё один.

Очень тонкий.

Почти прозрачный.

Она моргнула.

Ничего.

Только вышитая ветвь.

Усталость, решила Эврайна.

После такого вечера она скоро начнёт видеть лишние узоры даже на стенах.

— Ничего, — сказала она. — Показалось.

Алейса хотела что-то спросить, однако к ним подошёл молодой мужчина из рода Торн и увёл её к гостям.

Эврайна осталась у окна.

Через несколько минут мастер Норвей позвал её подписывать соглашение.

Она прочитала новый вариант дважды.

Потом ещё раз пункт о здании.

Улица Фонарщиков, семнадцать.

Полная собственность.

Без ограничений.

— Перо, — попросила она.

Сорвейн стоял по другую сторону стола.

— Последний шанс передумать.

Эврайна взяла перо.

— Ты уже воспользовался своим.

И поставила подпись.

Эврайна Мерсель.

Без Аркро.

Пока только на соглашении.

Скоро — везде.

Сорвейн подписал следом.

Мастер Норвей наложил юридическую печать и передал бумаги вечноному мастеру.

Только теперь Эврайна заметила мужчину, всё это время находившегося у дальней стены.

Мастер Остер Вейль был настолько стар, что даже Сорвейн обращался к нему с подчёркнутым почтением. Именно он семь лет назад создавал их вечный узор.

Эврайна помнила его пальцы — длинные, сухие, удивительно ловкие.

Сейчас они дрожали.

— Мы можем провести расторжение в малом зале, — сказал Сорвейн.

Эврайна взглянула на гостей.

Нет.

Если уж он решил начать это перед всеми, прятать конец она не станет.

— Здесь.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Остер Вейль поднялся на возвышение.

Слуги принесли низкий стол, покрытый белой тканью. На него мастер положил два небольших металлических диска с выгравированными знаками домов Аркро и Мерсель, затем попросил супругов встать друг напротив друга.

Эврайна сняла перчатки.

Сорвейн тоже.

Венечный мастер посмотрел на золотой узор её платья.

— Перенос выполнен правильно?

— Три месяца назад, — ответила Эврайна.

— С тех пор ткань не меняли?

— Нет.

Остер кивнул, но почему-то выглядел обеспокоенным.

— Что-то не так? — спросила она.

— Я давно не проводил расторжение связи такой продолжительности.

Сорвейн нахмурился.

— Это создаёт проблему?

— Нет. Конечно нет.

Слишком поспешно.

Эврайна заметила это, однако мастер уже начал готовить церемонию.

— Положите руки на диски.

Она коснулась холодного металла.

Знак Мерселей был простым: раскрытая ладонь, над которой располагалась маленькая звезда.

Когда-то отец говорил, что их предки были мастерами, а не воинами и потому никогда не имели драконов, земель или громких титулов.

Сорвейн положил руку на диск Аркро.

Золотой дракон на металле вспыхнул.

В тот же момент от его ладони по поверхности стола пробежала тонкая огненная линия.

Гости замолчали.

Эврайна ждала, что знак Мерселей тоже отзовётся.

Ничего.

Разумеется.

Она же была бездарной.

Официально.

Семь лет без единого проявления способности.

Остер Вейль начал произносить установленную формулу.
— Союз, заключённый свободным согласием Сорвейна Аркро и Эврайны Мерсель, признан не достигшим полного венежного соединения...

Слова проходили мимо.

Эврайна смотрела на руку Сорвейна.

На безымянном пальце он всё ещё носил брачное кольцо.

Когда церемония закончится, снимет.

Интересно, когда наденет другое?

Через месяц?

Через два?

Она заставила себя перевести взгляд на собственную руку.

Её кольцо было проще.

Сорвейн выбрал его сам.

Тогда он сказал, что слишком крупный камень будет мешать ей рисовать.

Он помнил, что она любит рисовать.

Когда же они перестали знать друг друга?

— ...имущественные обязательства подтверждены и приняты обеими сторонами...

Голос мастера дрогнул.

Эврайна подняла голову.

Остер смотрел на её платье.

Золотой узор светился.

Так и должно было быть.

В начале расторжения венечные линии всегда проявлялись ярче, чтобы мастер мог разделить связь.

Но лицо Остера побледнело.

— Продолжайте, — приказал Сорвейн.

— Да, милорд.

Мастер поднёс к вышивке длинный серебряный ключ.

Не коснулся ткани, лишь провёл над первой золотой линией.

Свет на платье Эврайны усилился.

Она почувствовала тепло под ключицей.

Не боль.

Скорее странное давление, словно много лет она носила слишком тесный воротник и лишь сейчас заметила его.

Остер произнёс заключительные слова:

— Всё, что было соединено по воле двоих, по воле хотя бы одного может быть разделено, если связь признана несостоятельной. Дом возвращается к дому. Имя возвращается к имени. Дар возвращается к источнику.

Дар возвращается к источнику.

Эврайна почему-то особенно ясно услышала последнюю фразу.

Мастер повернул ключ.

Золотые линии должны были погаснуть.

Сначала на её платье.

Потом на камзоле Сорвейна.

После этого их кольца утратили бы венечный блеск, и всё

закончилось.

Вместо этого узор на груди Эврайны вспыхнул настолько ярко, что ближайшие гости отшатнулись.

Она вскрикнула от неожиданности.

Не от боли.

Тепло под ключицей превратилось в стремительный поток, прошедший через грудь, плечи, руки и кончики пальцев.

Остер уронил ключ.

— Не двигайтесь!

Сорвейн мгновенно протянул руку к Эврайне.

— Что происходит?

— Не трогайте её!

Предупреждение прозвучало слишком поздно.

Пальцы Сорвейна коснулись её запястья.

Между ними вспыхнула золотая дуга.

Он отдёргнул руку.

В зале раздались испуганные голоса.

Эврайна смотрела на собственное платье.

Вышивка двигалась.

Не мерцала.

Не меняла яркость.

Именно двигалась.

Первый стежок возле воротника вытянулся из ткани, будто невидимая рука подцепила его иглой.

За ним второй.

Третий.

Золотая линия медленно распускалась.

Остер Вейль опустился перед Эврайной на колени, совершенно забыв о своём возрасте и достоинстве.

— Этого не может быть.

— Что со мной происходит? — спросила она.

Мастер не ответил.

Он смотрел только на нить.

Та продолжала выходить из ткани.

Стежок за стежком.

Семь лет назад этот узор создавали почти весь день.

Сейчас он разрушал себя за минуты.

— Остановите это, — приказал Сорвейн.

Остер поднял на него глаза.

— Я ничего не делаю, милорд.

— Тогда кто делает?

Мастер посмотрел на Эврайну.

И в его лице появилось такое выражение, что у неё похолодели ладони.

Не удивление.

Узнавание.

— Мастер Вейль, — произнесла она, — вы знаете, что это означает.

— Нет.

Он ответил слишком быстро.

— Вы знаете.

— Не здесь.

Сорвейн шагнул вперёд.

— Вы объяснитесь сейчас же.

В этот момент последняя золотая петля вышла из ткани у запястья Эврайны.

Нить освободилась полностью.

Она оказалась невероятно длинной.

Тонкое золото скользнуло по тёмной юбке, спустилось вниз и мягко легло на белый мрамор пола.

В зале стало так тихо, что Эврайна услышала потрескивание огня в дальнем камине.

Потом кто-то ахнул.

Она подняла глаза.

Все смотрели не на неё.

На Сорвейна.

Драконья печать на его плече гасла.

Медленно, от краёв к центру.

Золотые крылья утратили сияние.

Потом исчез огненный контур головы.

Последним погас глаз дракона.

По залу прокатился гул.

— Невозможно...

— Печать рода...

— Что она сделала?

— Это нарушение связи?

Сорвейн смотрел на собственное плечо.

Впервые за весь вечер его безупречное выражение исчез-

ло.

Он приложил ладонь к печати.

Ничего.

Попробовал снова.

Золотой знак не вспыхнул.

Остер Вейль с трудом поднялся.

— Милорд...

— Верните её.

— Я не могу.

— Что значит — не можете?

Сорвейн произнёс это негромко, но ближайшие люди невольно отступили.

— Печать Аркро связана с кровью моего рода.

— Да.

— Тогда развод не мог её затронуть.

— Не должен был.

Эврайна посмотрела на золотую нить у своих ног.

Та больше не светилась.

Совершенно обычная нить.

Если не считать того, что несколько минут назад сама вышла из семилетнего венечного узора.

— Вы сказали, дар возвращается к источнику, — произнесла она.

Остер словно хотел её остановить.

— Это часть формулы.

— Что она означает?

— Сейчас не время.

— По-моему, именно сейчас.

Сорвейн повернулся к мастеру.

— Отвечайте.

Остер Вейль закрыл глаза на короткое мгновение.

— При правильном расторжении каждая сторона сохраняет то, что принадлежало ей до брака, и теряет только созданную самим союзом связь.

— Я это знаю.

— Тогда вы понимаете, почему случившегося быть не должно.

Сорвейн побледнел.

Эврайна почувствовала, как внутри зарождается неприятное предчувствие.

— А если что-то, — спросила она, — принадлежало одной стороне, но семь лет находилось у другой?

Остер открыл глаза.

Он ничего не сказал.

Этого оказалось достаточно.

Сорвейн резко посмотрел на Эврайну.

— Не начинай делать выводы из слов человека, который сам не понимает происходящего.

— Я пока ничего не начинала.

Но впервые за весь вечер ей стало по-настоящему интересно.

Не больно.

Не стыдно.

Не страшно.

Интересно.

Она наклонилась и подняла золотую нить.

Та была тёплой.

Едва её пальцы сомкнулись вокруг нити, где-то далеко в стенах дома раздался глухой звук.

Словно что-то тяжёлое упало.

Потом ещё один.

В дальнем конце зала погас один из магических светильников.

За ним второй.

Третий.

Сорвейн медленно повернул голову.

Дом Аркро никогда не оставался без света.

Его защитная магия питалась от родовой печати.

— Закрыть двери, — приказал он.

Никто не двинулся.

Сорвейн повторил:

— Я сказал, закрыть двери.

Слуги наконец бросились выполнять приказ.

Гости заговорили громче.

Эврайна стояла посреди возвышения, держа золотую нить, и смотрела, как один за другим гаснут огни дома, из которого её только что собирались удалить как бесполезную женщину.

Она не понимала, что происходит.

Но одно понимала совершенно точно.

Семь лет ей говорили, что у неё нет дара.

Семь лет Сорвейн становился сильнее, влиятельнее и удачливее.

А в ту самую минуту, когда венечная связь между ними распустилась, погасла не её печать.

Погасла его.

Эврайна подняла глаза.

Сорвейн уже смотрел на неё.

Не с раздражением.

Не с сожалением.

Не с привычным снисходительным терпением человека, заранее уверенного в собственной правоте.

Впервые за семь лет брака она увидела в его глазах страх.

Глава 2. Ателье за одну корону

Сорвейн пришёл в себя первым.

Не в буквальном смысле — сознания он не терял, однако несколько мгновений после того, как погасла драконья печать, стоял посреди собственного зала так неподвижно, что Эврайне казалось: даже дыхание у него стало осторожнее. Затем привычка распоряжаться людьми взяла верх над потрясением.

— Никто не покидает дом, пока мастер Вейль не объяснит произошедшее.

Приказ прозвучал достаточно громко, чтобы его слышали у закрытых дверей. В ответ по залу прокатилась волна недовольного шёпота. Среди приглашённых находились люди, которым редко запрещали что-либо без решения Совета, но спорить с хозяином дома в момент, когда вокруг один за другим гасли защитные огни, никто не торопился.

Эврайна перевела взгляд на золотую нить в своей ладони. Та успела остыть.

Теперь ничто не отличало её от дорогой вышивальной нити, которую можно было купить у хорошего столичного торговца. Эврайне даже показалось нелепым, что несколько мгновений назад именно эта тонкая вещица соединяла её с человеком, за которого она вышла замуж семь лет назад.

Если, конечно, действительно соединяла.

После слов Остера уверенности в этом больше не было.

Старый венечный мастер выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, лишь бы не здесь. Его взгляд постоянно возвращался то к погасшей печати на плече Сорвейна, то к нити в руках Эврайны, но при этом он упорно молчал.

— Мы продолжим разговор в кабинете, — произнёс Сорвейн.

— Мы? — переспросила Эврайна.

Он повернулся к ней.

— Ты, я и мастер Вейль.

Несколько часов назад она послушно пошла бы следом, даже если бы была зла. Сорвейн всегда решал, когда разговор окончен для посторонних и когда его следует продолжить наедине.

Сегодня слишком многое уже изменилось.

— Нет.

Вокруг них снова стало тише.

Сорвейн, вероятно, тоже заметил, что это второе её «нет» за вечер. Возможно, именно поэтому не повысил голоса.

— Эврайна, произошло нарушение венечной церемонии. Погасла родовая печать. Это касается дома Аркро.

— А золотая нить вышла из моего платья. Значит, касается и меня.

— Именно поэтому я предлагаю разобраться без зрителей.

Она посмотрела на закрытые двери, возле которых уже со-

брались несколько раздражённых лордов.

— Зрителей ты выбрал сам.

Мастер Норвей, до сих пор находившийся возле стола с документами, опустил голову. Эврайна не была уверена, скрывает ли поверенный улыбку или просто делает вид, что чрезвычайно занят бумагами.

Сорвейн приблизился.

— Не превращай это в спор из принципа.

— Я не собираюсь.

— Тогда пойдём.

— Я собираюсь уехать.

Несколько секунд он словно не верил услышанному.

— Сейчас?

— Брак расторгнут?

Сорвейн посмотрел на Остера.

Старый мастер сглотнул.

— Формула завершена. Соглашение подписано обеими сторонами, печати свидетелей наложены. Самораспускание узора произошло после того, как я произнёс заключительные слова. С юридической точки зрения союз прекращён.

Эврайна медленно кивнула.

— Значит, я больше не хозяйка этого дома.

Ей самой было удивительно слышать это вслух.

Не леди Аркро.

Не жена Сорвейна.

Эврайна Мерсель.

Фамилия, которую последние семь лет она писала только в старых семейных документах.

— До утра тебе некуда ехать, — сказал Сорвейн.

— У меня есть дом.

— Ты даже не видела его.

— Поэтому завтра и посмотрю.

— Улица Фонарщиков ночью небезопасна.

— Я не говорила, что собираюсь туда ночью.

Он нахмурился.

— Тогда куда?

Эврайна почти ответила, что это больше не его дело.

Очень хотелось.

Однако желание произнести красивую колкость не делало её разумной. У неё действительно не было подготовленного жилья. Комнаты в доме Аркро теперь принадлежали прошлой жизни, а ключей от ателье она ещё даже не получила.

— Я остановлюсь у леди Корвел.

— Разумеется, остановишься, — раздалось за её спиной.

Пожилая родственница Сорвейна уже шла к ним, опираясь на трость с серебряным набалдашником.

— И если кто-нибудь возражает, пусть попробует высказать это мне в лицо.

Сорвейн прикрыл глаза на короткое мгновение.

— Тётя...

— Не называй меня так сегодня. Я и без того пытаюсь вспомнить, где допустила ошибку в твоём воспитании.

— Сейчас не время.

— Именно эту фразу мужчины особенно любят, когда не хотят отвечать на неприятные вопросы.

Леди Корвел остановилась рядом с Эврайной и посмотрела на погасшую печать.

— Впрочем, у тебя, кажется, внезапно появилось достаточно собственных вопросов.

Сорвейн не ответил.

Эврайна понимала, что он находится в положении гораздо серьёзнее, чем обычное публичное унижение. Родовая печать главы дома была не украшением. С ней были связаны защитные контуры особняка, право доступа к хранилищам семьи и часть привилегий, которые великие драконьи дома получали от короны.

Она знала это как жена главы рода.

Точнее, бывшая жена.

Именно поэтому ей не хотелось оставаться здесь даже ради объяснений.

Если она задержится, Сорвейн снова начнёт распоряжаться. Мастер Вейль снова будет уходить от ответов. Советники соберутся в кабинете, спор превратится в разбирательство, а её незаметно усадят в кресло и заставят ждать, пока мужчины решат, что произошло с её собственной венечной связью.

Нет.

Она слишком долго ждала решений других.

— Мастер Норвей, — позвала Эврайна.

Поверенный поспешно подошёл.

— Госпожа Мерсель?

Это было первое обращение новой фамилией.

Она почувствовала странное внутреннее движение, похожее одновременно на боль и облегчение.

— Документ на здание готов?

— Право собственности вступило в силу одновременно с расторжением. Нужно лишь зарегистрировать переход в городской управе, но соглашение уже имеет силу. Я могу подготовить заверенную копию к утру.

— А ключи?

Норвей замялся.

— Насколько мне известно, они должны храниться у управляющего недвижимостью дома.

Сорвейн обернулся к одному из слуг.

— Найдите Херта.

— Не нужно, — сказала Эврайна.

Он посмотрел на неё с раздражением.

— Ты собираешься войти в собственное здание без ключа?

— Мне не нужно, чтобы ты решал это вместо меня.

— Я не решаю. Я пытаюсь передать тебе то, что ты сама потребовала.

Тон был почти прежним, и это на мгновение больно вернуло её в десятки знакомых разговоров, когда Сорвейн был убеждён, что действует разумно, а она из упрямства услож-

няет простое.

Эврайна заставила себя не отвечать резко.

Он был прав хотя бы в одном: ключи действительно понадобятся.

— Хорошо. Пусть управляющий отдаст их мастеру Норвею. Я заберу утром.

— Эврайна...

— Сегодня мы уже всё подписали.

— Речь не о бумагах.

Она подняла глаза.

За раздражением на лице Сорвейна проступало то, чего прежде она почти никогда у него не видела: растерянность.

Погасшая печать изменила не только обстановку в зале.

Он боялся.

И хотел, чтобы она осталась рядом, пока не выяснится, почему.

Сознание этого не принесло ей удовлетворения.

Слишком поздно для удовлетворения.

— Если мастер Вейль захочет рассказать мне то, что не захотел говорить при свидетелях, он знает, как найти леди Корвел, — произнесла она. — Если выяснится что-то, что касается меня, пришлите сообщение. Но сегодня я больше здесь не останусь.

— А если погасшая печать связана с тобой?

— Тогда завтра она всё ещё будет связана со мной.

Сорвейн долго смотрел ей в лицо.

— Ты изменилась за один вечер.

Эврайна хотела сказать, что нет, не изменилась.

Просто впервые за семь лет перестала старательно помещаться в пространство, которое он для неё оставлял.

Но объяснять это человеку, который только что расторг их брак перед двумя сотнями свидетелей, показалось бессмысленным.

Она раскрыла ладонь.

Золотая нить лежала поперёк пальцев.

— Это можно забрать? — спросила она у Остера.

Венечный мастер оторвал взгляд от нити.

— Да.

— Она принадлежит мне?

Он помедлил.

— Теперь — безусловно.

Ответ был странным.

Эврайна свернула нить, насколько смогла, и передала леди Корвел, потому что у самой не было ни коробки, ни сумочки подходящего размера.

— Сохраните, пожалуйста.

Старуха осторожно приняла золотой моток.

— Если твой бывший муж попытается забрать его ночью, я ударю его тростью.

— Тётя, — процедил Сорвейн.

— Я просила сегодня меня так не называть.

Эврайна всё-таки улыбнулась.

Совсем немного.

И именно с этой улыбкой покинула зал, в котором несколькими часами раньше перестала быть женой драконьего лорда.

Спала она плохо.

Дом леди Корвел находился всего в двух кварталах от особняка Аркро и был почти таким же старым, но значительно уютнее. Здесь не было залов на двести гостей, галерей с портретами великих предков и слуг, появлявшихся раньше, чем успевала возникнуть просьба. Комната, которую отвели Эврайне, прежде принадлежала младшей дочери хозяйки и сохранила светлые деревянные панели, книжные полки и маленький балкон.

Леди Корвел настояла, чтобы разговоры отложили до утра.

Эврайна была благодарна.

Она разделась, аккуратно сложила тёмно-сливовое платье на кресло и только тогда заметила, насколько непривычно оно выглядит без золотой венечной вышивки.

На груди остались едва различимые следы от стежков.

Семь лет узор переходил с одного парадного платья на другое, и Эврайна давно перестала воспринимать его как отдельную деталь. Теперь ткань казалась почти пустой.

Она провела пальцами по маленьким отверстиям.

Дар возвращается к источнику.

Слова Остера Вейля не давали покоя.

Если что-то принадлежало одной стороне, но находилось у другой...

Он не ответил.

А Сорвейн сразу приказал не делать выводов.

Слишком быстро.

Эврайна легла, закрыла глаза и поняла, что в голове снова начинает выстраиваться цепочка: семь лет без дара, стремительный рост влияния Сорвейна, ослабевшее ощущение вечной связи последние два года, погасшая печать, золотая нить.

Она остановила себя.

Не потому, что не хотела знать правду.

Наоборот.

Хотела слишком сильно.

Но если начать строить выводы из нескольких странных совпадений, к утру можно убедить себя в чём угодно.

Ей нужны были факты.

И, как ни удивительно, первым фактом новой жизни оказалось не происхождение магической нити.

Им оказалось здание на улице Фонарщиков.

Утром мастер Норвей прислал документы и связку из пяти ключей.

К ним прилагалась короткая записка, написанная аккуратным почерком:

«Госпожа Мерсель. Основной ключ — самый длинный. Два малых относятся к задней двери и внутренним поме-

щениям. Назначение оставшихся мне неизвестно. Управляющий Херт сообщил, что не посещал здание последние двенадцать лет. Городские сборы указаны в приложении. М. Норвей».

Леди Корвел прочитала записку через плечо Эврайны.

— Очень обнадёживает.

— Что именно?

— То, что человек, отвечавший за недвижимость Аркро, двенадцать лет не заходил в твоё новое владение. Значит, крыша там наверняка безупречна.

— Сорвейн предупреждал, что это развалина.

— Никогда не думала, что произнесу эти слова, но, возможно, в данном случае стоило его послушать.

Эврайна убрала документы в кожаную папку.

— Уже поздно.

— Ты действительно собираешься туда сейчас?

— Да.

— Одна?

Этот вопрос заставил её задуматься.

За семь лет брака она почти никогда не ходила по столице без сопровождающих. Не потому, что не могла, а потому что жена главы дома Аркро не должна была разгуливать одна по Старому кварталу.

Но сегодня она больше не была женой главы дома.

Новая свобода внезапно имела множество практических сторон.

— Карету я могу нанять.

— Я говорю не о карете.

— Улица Фонарщиков не настолько опасна, как Сорвейн пытался представить.

— Ты была там?

— Нет.

— Тогда откуда знаешь?

Эврайна застегнула плащ.

— Потому что, если бы там действительно каждую неделю исчезали приличные женщины, Сорвейн упомянул бы это вчера. Он ограничился тем, что приличные люди там не живут.

Леди Корвел недовольно поджала губы.

— Ненавижу, когда молодые женщины используют здравый смысл, чтобы мешать мне ими командовать.

— Я вернусь до темноты.

— А если не вернёшься?

— Тогда разрешаю вам ударить Сорвейна тростью ещё раз.

— Ещё раз?

Эврайна посмотрела на неё.

Старуха невозмутимо поправила кружевную манжету.

— Он пришёл рано утром узнать, как ты себя чувствуешь.

— И?

— Я сообщила, что после публичного развода женщины редко просыпаются в превосходном настроении.

Эврайна не стала спрашивать подробности.

Сегодня ей хотелось хотя бы несколько часов прожить без Сорвейна.

Улица Фонарщиков оказалась совсем не такой, какой Эврайна представляла её по словам бывшего мужа.

Она ожидала узкую, грязную щель между полуразрушенными домами, где карету будут разглядывать как чудо.

Вместо этого дорога была достаточно широкой, чтобы разъехались два экипажа, а по обеим сторонам тянулись старые трёх- и четырёхэтажные дома с лавками на первых этажах. Часть фасадов действительно нуждалась в ремонте, несколько помещений пустовали, но улица жила.

На углу работала пекарня. Через два дома от нужного номера пожилой мужчина выставлял перед дверью деревянные стулья. Напротив женщина развешивала на крючках связки разноцветных лент. Из открытых окон верхних этажей доносились голоса.

Приличные люди, вероятно, действительно предпочитали иные районы.

Зато здесь жили люди, которым было не до того, чтобы весь день обсуждать чужой развод.

Эврайне это понравилось.

Карета остановилась у номера семнадцать.

Она вышла и несколько секунд просто смотрела.

Сорвейн не преувеличивал.

Но и не сказал всей правды.

Здание было красивым.

Вернее, когда-то было красивым, а сейчас пыталось не за-
быть об этом.

Три этажа из светлого камня потемнели от времени. Высокие окна первого этажа скрывались за пыльными стёклами, одно было заколочено досками. Над входом сохранились два кованых держателя, между которыми прежде висела вывеска, но самой вывески не было.

Карниз над третьим этажом украшали вырезанные в камне цветы и небольшие ножницы.

Эврайна задрала голову.

Крыша, насколько можно было увидеть снизу, не провалилась.

Уже достижение.

Кучер спрыгнул с козел.

— Подождать, госпожа?

Эврайна посмотрела на вход.

— Полчаса.

Он перевёл взгляд на здание.

— Уверены?

— Почему вы все сегодня спрашиваете одно и то же?

Мужчина смутился.

— Да так. Дом давно закрыт.

— Именно поэтому я собираюсь его открыть.

Она достала длинный ключ.

Замок не поддался.

Эврайна попробовала второй раз.

Потом третий.

Кучер уже сделал движение, собираясь помочь, но она остановила его поднятой рукой. Из упрямства это давно перестало быть вопросом входа.

Ключ повернулся после того, как Эврайна приподняла дверную ручку вверх.

Замок щёлкнул.

Дверь открылась сантиметров на десять и во что-то упёрлась.

Эврайна надавила плечом.

За дверью послышался скрежет.

Ещё усилие — и проход стал достаточно широким.

Внутри лежала упавшая деревянная стойка, когда-то служившая, вероятно, подставкой для цветов.

— Полчаса, — повторила Эврайна кучеру.

Она вошла.

Первое впечатление оказалось простым.

Пыль.

Её было столько, что помещение словно покрывала серая ткань.

Свет из открытой двери прорезал воздух широкой полосой, и в ней медленно кружились мелкие частицы. Запах был не неприятным, скорее старым: дерево, давно закрытые шкафы, сухая ткань и камень.

Эврайна сделала несколько шагов.

Первый этаж представлял собой длинный зал. Справа тянулись три больших окна-витрины, слева находились двери во внутренние комнаты. На стенах сохранились деревянные панели, местами потемневшие, но не сгнившие. В глубине зала стояла широкая лестница.

И повсюду были манекены.

Не меньше двадцати.

Некоторые лишились рук. Один лежал возле стены. Несколько были накрыты серыми полотнищами, отчего издали напоминали молчаливых людей.

Эврайна сдёрнула ткань с ближайшего.

Под ней оказался женский манекен старого фасона с узкой талией и длинной шеей.

На груди кто-то когда-то нарисовал мелом цифру семь.

— Ну здравствуй, — сказала Эврайна.

Собственный голос странно отозвался от стен.

Она прошла дальше.

За первой дверью находилась примерочная. Здесь сохранилось огромное зеркало в тяжёлой раме. Серебряное покрытие потемнело по краям, но центральная часть отражала достаточно хорошо.

Эврайна неожиданно увидела себя.

Простой дорожный плащ, волосы собраны без помощи горничной, на лице следы почти бессонной ночи.

Госпожа Мерсель.

Хозяйка развалины.

Вчерашние гости дома Аркро наверняка уже завтракали и обсуждали её выбор.

Она представила, как леди Керрана рассказывает знакомым, что брошенная жена Сорвейна отказалась от прекрасного поместья ради пыльного ателье в Старом квартале.

Наверняка звучало безумно.

Эврайна улыбнулась отражению.

— Возможно, они правы.

За примерочной находилась мастерская.

Здесь она задержалась.

Комната занимала почти половину первого этажа и выходила окнами во внутренний двор. В центре стоял огромный стол для раскроя, настолько широкий, что Эврайна едва могла дотянуться рукой до середины. Вдоль стен располагались шкафы с маленькими латунными табличками: «Лён», «Шёлк», «Кружево», «Подкладка», «Отделка».

Часть дверок перекосилась.

Одна висела на единственной петле.

Но дерево было хорошим.

Эврайна провела ладонью по краю раскройного стола и сняла слой пыли толщиной почти в палец.

Под ним обнаружилась гладкая тёмная поверхность.

Дуб.

Причём старый.

Такой стол сейчас стоил бы немало.

Она открыла ближайший шкаф.

Пусто.

Второй.

Тоже.

В третьем обнаружили свёрнутые куски ткани, но стойло Эврайне прикоснуться к верхнему, как он рассыпался по краю.

— Не всё сразу, — пробормотала она.

Слова неожиданно понравились.

Не всё сразу.

Вчера у неё не было ничего своего.

Сегодня был дом, пусть и покрытый пылью.

Она достала из сумки небольшой блокнот, который захватила у леди Корвел, и начала записывать.

Замок входной двери — проверить.

Одно окно — заменить.

Стойку у входа — убрать.

Шкафы — осмотреть.

Стол — очистить.

Крышу — вызвать мастера.

Городские сборы — выяснить сроки.

Она остановилась.

Что ещё?

Работники.

Нет.

Сначала нужно понять, есть ли вообще деньги на работников.

Первый год содержания Сорвейна даст ей возможность не думать о каждом медяке, но Эврайна не собиралась превращать это в привычку. Через двенадцать месяцев выплаты прекратятся.

Значит, ателье должно начать приносить доход гораздо раньше.

Эта мысль одновременно пугала и возбуждала.

Она ничего не знала о ведении дела.

Зато понимала одежду.

Лучше, чем Сорвейн когда-либо замечал.

Эврайна прошла к другому шкафу. На этот раз внутри обнаружили несколько старых коробок с пуговицами. Большинство было простыми, костяными или деревянными, но в одной лежали великолепные перламутровые застёжки.

Она подняла одну к окну.

Свет переливался розовым и зелёным.

— Вот тебя я точно не выброшу.

— Это вы зря.

Эврайна так резко обернулась, что пуговица едва не выпала из пальцев.

В дверях мастерской стояла женщина лет пятидесяти в коричневом платье и белом фартуке. За её спиной виднелась открытая входная дверь.

— Простите?

— Говорю, зря не выбросите. Эти застёжки здесь лет двадцать лежат. Может, и дольше.

Женщина вошла, нисколько не смущаясь.

— Вы кто?

— Это я хотела спросить. Видела карету, потом дверь открылась. Думала, опять городские пришли проверять, не обвалилась ли стена на прохожих.

— Пока не обвалилась.

— Это сегодня.

Эврайна посмотрела на незнакомку внимательнее.

— Я Эврайна Мерсель. Здание теперь принадлежит мне.

Женщина замерла.

Затем медленно перевела взгляд на потолок.

— Целиком?

— Целиком.

— И добровольно?

— В определённом смысле.

— Кто же вам так не понравился?

Эврайна не удержалась от короткого смешка.

— Мой бывший муж.

— Тогда понятно.

Незнакомка протянула руку.

— Брина Халль. Лавка лент напротив.

Эврайна пожала её ладонь.

— Вы знаете этот дом?

— Я здесь двадцать три года работаю. Конечно знаю.

— Почему ателье закрылось?

Брина сразу перестала улыбаться.

— Вы разве не спросили перед покупкой?

— Я его не покупала.

— Это многое объясняет.

Она подошла к окну и выглянула на улицу.

— Если хотите мой совет, госпожа Мерсель, продайте здание.

— Почему?

— Потому что здесь никто не задерживается.

— Уже двенадцать лет вообще никто не работал.

— До этого пытались.

Эврайна закрыла коробку с пуговицами.

— Кто?

— Сначала какой-то торговец тканями. Продержался три месяца. Потом две сестры открыли мастерскую шляп. Одна сбежала через шесть недель, вторая закрылась ещё через две. Потом городской архив хотел занять верхние этажи, но чиновники отказались сюда переезжать.

— Причина?

Брина пожала плечами.

— Каждому своя.

— Это не ответ.

— А другого у меня нет.

— Вы сказали, что никто не задерживается.

— Так и есть.

— Должна же быть причина.

Женщина оглянулась на пустую мастерскую.

— Люди говорят, дом несчастливый.

— Люди многое говорят.

— Это правда.

— А вы сами во что верите?

Брина задумалась.

— Я верю, что двадцать лет назад здесь работало лучшее ателье Старого квартала. Моя мать рассказывала, что женщины приезжали сюда даже из северной части столицы. Потом хозяйка исчезла, двери закрыли, а через несколько лет начались попытки использовать дом для чего-нибудь другого.

— Как звали хозяйку?

— Не помню. Я тогда девчонкой была.

— Но ателье помните?

— Вывеску помню.

Эврайна подняла голову.

— Её сейчас нет.

— Сняли после закрытия.

— Что на ней было?

Брина прищурилась, вспоминая.

— Имя. Кажется. И рисунок.

— Какой?

— Ножницы и раскрытая ладонь. Или игла. Нет, ладонь точно была.

Эврайна перестала дышать на мгновение.

Раскрытая ладонь.

Герб Мерселей изображал раскрытую ладонь со звездой.
Совпадение.

Разумеется, совпадение.

Старые ремесленные знаки часто использовали изображение рук.

— Где могла сохраниться вывеска?

— Понятия не имею.

— А документы?

— Если прежние хозяева что-то оставили, смотрите наверху. Там были конторы.

Брина направилась к выходу, потом остановилась.

— Кстати, если решите отремонтировать переднее окно, не обращайтесь к мастеру Севену с соседней улицы.

— Почему?

— Возьмёт вдвое больше, увидев карету.

Эврайна взглянула наружу.

— Карета наёмная.

— Он этого не знает.

— А к кому обратиться?

— К Ристу. Его мастерская у северного конца улицы. Скажите, что я отправила.

— Спасибо.

— Не благодарите. Если вы действительно откроете здесь ателье, мне выгодно, чтобы ваши клиентки покупали ленты напротив.

Вот это Эврайне понравилось гораздо больше светской

любезности.

— Честно.

— Бесплезно врать человеку, который станет видеть тебя из окна каждый день.

Брина уже вышла из мастерской, когда Эврайна окликнула её:

— Госпожа Халль.

— Да?

— Вы сказали, что дом несчастливый. Если в это верите, почему вошли?

Женщина улыбнулась.

— Потому что за двадцать три года он ни разу не сделал ничего плохого лично мне.

— Очень практичный подход.

— На этой улице иначе долго не живут.

Когда соседка ушла, Эврайна ещё несколько минут стояла возле раскройного стола.

Раскрытая ладонь.

Она открыла папку с документами и нашла лист, где значился прежний владелец.

Дом Аркро приобрёл здание двадцать один год назад у городской управы после признания имущества бесхозным.

Имя предыдущей хозяйки отсутствовало.

Странно.

Не подозрительно. Пока только странно.

Эврайна закрыла папку.

Если начать видеть тайны в каждом пустом месте документа, далеко не уйдёшь.

Она вернулась к осмотру.

На втором этаже находились три большие комнаты. Одна, судя по множеству полок, служила складом. Другая — рабочим помещением для мастериц. Третья могла быть конторой хозяйки.

В дальнем углу стоял письменный стол.

Эврайна открыла ящики.

Пусто.

Следующий.

Несколько высохших чернильных перьев.

Третий не открывался.

Она попробовала малые ключи из связки.

Ни один не подошёл.

Эврайна присела.

Замок выглядел не сломанным.

Просто старым.

Она уже собиралась оставить его до визита мастера, когда заметила на боковой стенке стола едва различимую линию.

Провела пальцем.

Панель.

Очень узкая.

Эврайна надавила.

Ничего.

Попробовала с другой стороны.

Панель отскочила на толщину ногтя.

За ней обнаружилась маленькая металлическая петля.

Эврайна потянула.

Внутри что-то щёлкнуло, и заклинивший ящик сам выдвинулся на несколько сантиметров.

— Вот как.

Он оказался почти пустым.

На дне лежал сложенный кусок плотной ткани и несколько старых бумажных квитанций, выцветших настолько, что прочитать удалось лишь отдельные цифры.

Эврайна осторожно развернула ткань.

В центре был вышит знак.

Раскрытая ладонь.

Но вместо звезды над ней находились ножницы.

Точно так, как вспоминала Брина.

Под знаком шли полукругом слова:

«Свободная гильдия портных».

Эврайна села на ближайший стул.

Она знала историю ремесленных объединений достаточно плохо, но название слышала.

Когда-то в столице существовали десятки небольших независимых гильдий. Затем корона постепенно объединила их в крупные государственные структуры: ткачей, мастеров по тканям, венечных мастеров и другие.

Свободная гильдия исчезла задолго до её рождения.

Почему её знак находился в здании, которое двадцать

один год принадлежало дому Аркро?

Эврайна снова посмотрела на раскрытую ладонь.

Похожую на знак Мерселей.

Слишком похожую.

Но не одинаковую.

Она сложила ткань и положила в сумку.

Потом заметила, что дно ящика выглядит выше, чем должно.

Постучала пальцами.

Глухо.

В одном месте звук изменился.

Эврайна подцепила ногтем тонкую деревянную пластину.

Под ней находилось ещё одно отделение.

На этот раз внутри лежал всего один предмет.

Серебряный распарыватель.

Эврайна взяла его осторожно.

Инструмент был длиннее обычного, с тонким загнутым концом и тяжёлой рукоятью. Серебро потемнело от времени, но орнамент сохранился.

Раскрытая ладонь.

Ножницы.

И надпись вдоль рукояти.

Эврайна подошла к окну, чтобы прочесть.

«Ни один узел не выше свободной воли».

Она перечитала ещё раз.

Странная фраза для инструмента портнихи.

Большинство мастериц украшали хорошие ножницы именами владельцев, пожеланиями удачи или знаками мастерской.

Эта надпись напоминала девиз.

Эврайна провела большим пальцем по буквам.

Металл неожиданно потеплел.

Она отдёрнула руку.

Через мгновение распарыватель снова был холодным.

— Прекрасно, — пробормотала она. — Теперь я ещё и пугаюсь собственных инструментов.

Наверное, серебро просто нагрелось в ладони.

Она положила находку рядом с тканью.

Третий этаж оказался жилым.

Четыре небольшие комнаты, коридор и кухня.

Эврайна не ожидала этого.

В одной спальне сохранилась железная кровать. В другой стоял шкаф. Кухонная печь выглядела старой, но целой. Вода из крана не шла, зато труба не была повреждена.

Она записывала всё в блокнот.

Водопровод.

Печь.

Окна.

Матрасы.

Дымоход.

Когда спустилась вниз, кучер уже ждал у двери.

— Госпожа, прошло больше часа.

Эврайна посмотрела на часы.

Почти два.

— Простите.

Он скептически взглянул на её плащ, покрытый пылью.

— Нашли сокровище?

— Стол.

Кучер моргнул.

— Что?

— Очень хороший раскройный стол.

Он, кажется, решил больше ничего не спрашивать.

Эврайна отпустила карету, но сама не уехала.

Теперь, когда здание перестало быть неизвестной развалиной, ей совершенно не хотелось возвращаться к леди Корвел и проводить остаток дня за обсуждением вчерашнего вечера.

Она вышла на улицу и направилась к лавке Брины.

Над дверью висела аккуратная вывеска «Ленты Халль». Внутри от стены до стены тянулись полки с катушками всех оттенков.

Брина подняла голову.

— Не обрушилось?

— Пока нет.

— Уже успех.

— Где находится мастер Рист?

Женщина объяснила.

Через полчаса Эврайна договорилась об осмотре крыши

и переднего окна.

Ещё через час нашла двух женщин, которые согласились прийти утром и помочь с уборкой за разумную плату.

Это оказалось неожиданно трудно.

Не потому, что никто не хотел заработать.

Потому что при упоминании номера семнадцать люди начинали отказываться.

— Там плохое место, — сказала одна женщина.

— Чем плохое?

— Просто плохое.

— Что именно произошло?

— Не знаю.

Следующая знала ещё меньше, но была уверена сильнее.

Третья согласилась, когда Эврайна предложила оплату за день вперёд.

— Только до заката, — предупредила она.

— Почему?

— После темноты туда не пойду.

— Что происходит после темноты?

Женщина пожала плечами.

— Я не проверяла.

К концу дня Эврайна поняла важную вещь.

Никто не мог рассказать конкретной истории.

Никто не называл погибших, пропавших или ограбленных.

Дом просто считался несчастливым.

Причём настолько давно, что причина растворилась в слухах.

Это успокаивало.

И немного раздражало.

Она вернулась в ателье ближе к четырём часам.

От долгого закрытого помещения уже болела голова, поэтому Эврайна распахнула все окна, которые смогла открыть.

Внутри ворвался прохладный воздух.

Вместе с ним пришли звуки улицы.

Колёса.

Голоса.

Чей-то смех.

Звон дверного колокольчика в лавке Брины.

Дом словно перестал быть отдельным мёртвым пространством и снова соединился с городом.

Эврайна сняла плащ и закатала рукава.

До прихода нанятых женщин оставалось утро.

Но ждать не хотелось.

Она нашла старую метлу.

Древко треснуло после третьего движения.

— Конечно.

Эврайна выбросила её.

В подсобке обнаружились две тряпки, ведро и щётка, от которой ещё можно было добиться пользы.

Начала с раскройного стола.

Пыль поднималась облаками.

Через десять минут Эврайна кашляла, волосы выбились из причёски, а на щеке появилась серая полоса, которую она заметила только в зеркале примерочной.

Она посмотрела на отражение.

Вчера в это время две горничные готовили её к приёму.

Одна укладывала волосы, другая застёгивала жемчуг на шее.

Сегодня бывшая леди Аркро стояла посреди пыльной мастерской с грязной тряпкой в руке.

Почему-то впервые за долгое время ей не хотелось быть в другом месте.

Эврайна вернулась к столу.

Под слоем грязи обнаруживались царапины.

Следы ножниц.

Тонкие порезы.

Небольшие пятна.

Кто-то работал здесь годами.

Она провела пальцами по краю.

Когда-то вокруг этого стола стояли мастерицы.

Обсуждали заказы.

Спорили о длине рукавов.

Раскладывали ткань.

Работали.

Не изображали полезность.

Не ждали оценки великих родов.

Просто делали дело, которое умели.

Эврайна неожиданно вспомнила мать.

Та всегда говорила, что хороший шов не должен привлекать внимание.

«Если человек смотрит на платье и сразу видит работу портнихи, значит, портниха захотела показать себя. Настоящая работа заставляет увидеть женщину».

Эврайна не вспоминала эту фразу много лет.

Она продолжила мыть стол.

Когда закончила, тёмный дуб заблестел.

Результат был маленьким до смешного.

Один чистый стол посреди огромной грязной мастерской.

Но он был первым.

Эврайна принесла из примерочной один манекен, очистила его и поставила возле окна.

Потом вымыла часть витрины.

Снаружи сразу стало видно внутренний зал.

Брина, стоявшая у своей лавки, заметила её и подняла большой палец.

Эврайна рассмеялась.

Так прошёл ещё час.

Потом второй.

К закату первый этаж по-прежнему оставался ужасающе далёк от приличного состояния, но возле входа уже не лежала упавшая стойка, одно окно стало прозрачным, а раскройный стол выглядел пригодным для работы.

Эврайна устала так, как не уставала после самых длинных приёмов.

Но это была другая усталость.

Честная.

Она собралась закрывать здание, когда вспомнила о серебряном распарывателе.

Инструмент лежал в сумке.

Эврайна достала его и ещё раз рассмотрела при вечернем свете.

«Ни один узел не выше свободной воли».

Что это вообще могло означать?

Она провела кончиком по старой нитке, которой была пришита подкладка на небольшом обрезке ткани.

Нить разошлась мгновенно.

Эврайна удивилась.

Распарыватель оказался невероятно острым.

Она попробовала на втором стежке.

Тот же результат.

— Вот тебя я действительно оставляю.

В этот момент металл в её пальцах снова потеплел.

На этот раз сильнее.

Эврайна нахмурилась.

Тепло исходило не от рукояти целиком.

От маленького знака раскрытой ладони.

Она поднесла инструмент ближе к свету.

Никакого сияния.

Никакой очевидной магии.

Почти.

На самом краю серебряной рукояти появилась тонкая золотистая линия.

Эврайна моргнула.

Линия исчезла.

Она подняла распарыватель.

Ничего.

Наверное, отражение закатного света.

Разбираться сейчас не хотелось.

День был слишком длинным.

Эврайна убрала инструмент и прошла к входной двери.

С улицы уже доносился вечерний звон городских часов.

Она закрыла одно окно.

Потом второе.

Задёрнула старую занавеску возле примерочной.

И вдруг заметила движение в зеркале.

Эврайна обернулась.

Никого.

Только манекены.

Она посмотрела обратно в зеркало.

На несколько секунд ей показалось, что один из них стоял раньше немного иначе.

Глупость.

Эврайна слишком устала.

Истории о несчастливом доме всё-таки проникли в голо-

ву.

Она взяла плащ.

В этот момент в переднюю дверь постучали.

Не громко.

Три раза.

Эврайна застыла.

Первая мысль оказалась совершенно нелепой: леди Корвел прислала кого-нибудь проверить, жива ли она.

Потом стук повторился.

— Сейчас.

Эврайна подошла к двери и открыла.

На пороге стояла девушка.

Молодая, возможно лет девятнадцати или двадцати.

Сначала Эврайна увидела её лицо.

Бледное.

Испуганное.

Потом платье.

Свадебное.

Не просто белое, а настоящее церемониальное платье богатого дома: тонкая ткань, серебряная отделка, длинный шлейф и плотная вышивка по лифу. Даже при слабом вечернем свете было ясно, что над ним работала дорогая мастертская.

Девушка явно пришла пешком.

Край юбки был испачкан уличной пылью, шлейф она держала обеими руками, а волосы под венечной сеткой растрез-

пались.

— Вы хозяйка? — спросила она.

— Теперь да.

Девушка оглянулась на улицу.

— Можно войти?

Эврайна посторонилась.

Незнакомка быстро шагнула внутрь.

— Закройте, пожалуйста.

В голосе было столько тревоги, что Эврайна не стала спорить.

Закрыла дверь.

— Что случилось?

Девушка прижалась к ней спиной, будто ожидала, что кто-нибудь сейчас последует за ней.

Несколько секунд она пыталась восстановить дыхание.

— Я увидела свет.

— Что?

— В окне. Здесь много лет было закрыто, а сегодня я увидела свет и спросила у женщины напротив. Она сказала, что появилась новая хозяйка.

Брина.

Эврайна мысленно решила завтра поговорить с соседкой о том, какую информацию стоит выдавать незнакомцам.

— Как вас зовут?

Девушка hesitated? Need Russian. Let's fix. — Лаверия.

Эврайна заметила, что фамилию она не назвала.

— Хорошо, Лаверия. Что вы хотите?

Та посмотрела вниз.

На собственное платье.

Пальцы, державшие ткань, дрожали.

— Мне нужно, чтобы вы его сняли.

Эврайна не сразу поняла.

— Простите?

— Платье. Снимите его с меня.

— Я не уверена, что понимаю.

— Оно не снимается.

Эврайна посмотрела на спину девушки.

Свадебное платье застёгивалось рядом маленьких жемчужных пуговиц от лопаток до талии.

— Пуговицы заело?

— Нет.

— Тогда...

— Я расстегнула их.

Лаверия повернулась.

Все пуговицы действительно были расстёгнуты.

Но ткань на спине оставалась сомкнутой так плотно, словно застёжка продолжала существовать.

Эврайна подошла ближе.

— Можно?

Девушка быстро кивнула.

Эврайна осторожно потянула края ткани.

Они не разошлись.

Не просто были тесными.

Будто срослись.

Она проверила внутренний шов.

Потом ещё один.

— Когда это началось?

— Я не знаю.

— Вы надевали платье сегодня впервые?

— Нет. Была примерка три дня назад.

— Тогда оно снималось?

— Да.

— Кто помогал вам одеваться сегодня?

Лаверия опустила взгляд.

— Две служанки.

— И они не заметили ничего странного?

— Заметили позже.

— Что именно?

Девушка подняла глаза.

— Когда я попыталась уйти.

Эврайна выпрямилась.

— Откуда?

Лаверия не ответила.

Вместо этого снова схватилась за ткань у груди.

— Пожалуйста. Просто снимите его. Разрежьте, распорите, мне всё равно. Я заплачу.

— Успокойтесь. Если оно обычное, мы его снимем.

Эврайна уже произнесла «обычное», когда заметила вы-

шивку.

Сначала ничего необычного.

Серебряные листья шли от талии вверх, образуя тонкий венок вокруг груди. Между ними вплетались маленькие белые цветы.

Очень хорошая работа.

Она наклонилась ближе.

В глубине рисунка что-то не совпадало.

Так же, как вчера на рукаве Алейсы.

Тонкая линия.

Почти невидимая.

Эврайна моргнула.

Линия осталась.

Она проходила под серебряной вышивкой другим слоем, который не должен был быть виден на лицевой стороне.

— Кто шил платье?

— Дом Саллен.

Название Эврайна знала.

Одна из дорогих мастерских центрального квартала.

— Вам делали венечную вышивку?

— Сегодня утром.

— Кто?

Лаверия снова отвела взгляд.

— Мастер от Гильдии.

В комнате стало очень тихо.

Эврайна вспомнила вчерашний узор.

Свой.

Самостоятельно распустившийся.

И тонкую линию на рукаве Алейсы, которую она решила списать на усталость.

— Когда ваша свадьба?

Лаверия побледнела ещё сильнее.

— Завтра.

Эврайна медленно выдохнула.

— Почему вы ушли?

На этот раз девушка ответила не сразу.

— Потому что сегодня после вышивки я поняла, что не хочу туда возвращаться.

— К жениху?

— Домой.

— Почему?

— Не знаю.

Ответ прозвучал совершенно искренне и оттого тревожно.

Лаверия закрыла лицо руками.

— Я знаю, как это звучит. До утра всё было нормально. Я готовилась к свадьбе, ругалась с матерью из-за цветов, спорила с портнихой из-за рукавов. А потом мастер закончил узор, и мне стало...

Она осеклась.

— Что?

— Как будто я уже согласилась на всё.

Эврайна нахмурилась.

— Вы ведь согласились на свадьбу.

— Да. Но это было другое.

— Объясните.

— Не могу.

Лаверия опустила руки.

— Я просто вдруг перестала понимать, где заканчивается то, чего хочу я, и начинается то, что от меня ждут. А когда попыталась снять платье, оно не открылось. Служанки позвали мать. Мать сказала, что так бывает с хорошей венечной работой и утром всё будет проще. Но я испугалась.

Эврайна ещё раз осмотрела спину платья.

— Хорошая венечная работа не должна мешать снять одежду.

— Вы уверены?

— Да.

Она не была венечным мастером.

Но семь лет носила подобные узоры и присутствовала на десятках свадеб.

Платье оставалось платьем.

Магия закреплялась в вышивке, а не превращала ткань в замок.

Эврайна потянула нижний край.

Никакого результата.

— У вас есть ножницы? — спросила Лаверия.

— Есть кое-что лучше.

Она принесла из сумки серебряный распарыватель.

Едва инструмент оказался рядом с платьем, знак на рукавности стал тёплым.

Эврайна замерла.

На этот раз никакого закатного света не было.

Она точно чувствовала тепло.

— Что это? — спросила девушка.

— Старинный инструмент.

— Он поможет?

— Сейчас узнаем.

Эврайна выбрала боковой шов, подальше от магической вышивки, и осторожно подцепила одну нитку.

Распарыватель вошёл легко.

Нить оборвалась.

Но ткань не разошлась.

Эврайна подцепила вторую.

Потом третью.

Шов распускался.

Платье оставалось сомкнутым.

Она отступила.

— Это невозможно.

Лаверия почти всхлипнула.

— Я же говорила.

— Шов уже разрезан.

— Тогда почему?..

Эврайна не ответила.

Она смотрела на вышивку.

На серебряные листья.

Белые цветы.

И тонкую линию под ними.

Теперь линия была видна гораздо отчётливее.

Она шла от правого бока, поднималась к груди, затем возвращалась к спине.

Замыкалась.

Узел.

Эврайна почувствовала, как в ладони нагревается серебряная рукоять.

«Ни один узел не выше свободной воли».

Она приблизила распарыватель к вышивке.

Тонкая скрытая линия словно дрогнула.

Нет.

Не словно.

Она действительно дрогнула.

Эврайна замерла.

— Что вы видите? — прошептала Лаверия.

— Пока не знаю.

Это была правда.

Эврайна перевела взгляд на девушку.

— Мне придётся коснуться вышивки.

— Делайте что угодно.

— Я не знаю, что произойдёт.

— Хуже уже не будет.

С этим Эврайна не была согласна.

После вчерашнего вечера она точно знала: всегда может стать хуже.

Однако оставить девушку в платье, которое невозможно снять даже после распоротого шва, тоже не могла.

Она поднесла серебряный кончик к тонкой линии.

Распарыватель коснулся первого скрытого стежка.

По платью прошла золотая искра.

Лаверия вскрикнула.

Эврайна мгновенно отдёрнула руку.

— Больно?

Девушка прижала ладонь к груди.

— Нет.

— Тогда что?

Лаверия смотрела перед собой широко раскрытыми глазами.

— Я вспомнила.

— Что?

Она подняла голову.

— Я вспомнила, почему не хотела выходить за него.

Эврайна почувствовала, как холодеет спина.

Серебряный распарыватель в её руке становился всё теплее.

А на свадебном платье Лаверии, прямо под серебряными листьями, один за другим проступали золотые стежки, которых ещё мгновение назад почти не было видно.

Глава 3. Невеста без имени

Золотые стежки проступали медленно, один за другим, и чем отчётливее становился скрытый рисунок, тем меньше он напоминал обычную венечную вышивку.

Эврайна не сразу поняла, что именно её тревожит. Серебряные листья на платье Лаверии были расположены симметрично, белые цветы образовывали правильный узор, каждый наружный стежок соответствовал соседнему. Мастер дома Саллен действительно знал своё дело.

Но второй рисунок под ним был построен совсем иначе.

Он не украшал платье.

Он охватывал его.

Тонкие золотые линии проходили под серебряной вышивкой, пересекались на груди, уходили к талии и сходились на спине в несколько маленьких узлов. Эврайне потребовалось несколько мгновений, чтобы заметить закономерность: каждая линия возвращалась к месту, откуда начиналась, превращая узор в замкнутую систему.

Она медленно отвела серебряный распарыватель.

Золотое свечение ослабло, но не исчезло.

— Вы по-прежнему это видите? — спросила Лаверия.

— Да.

— Что именно?

Эврайна могла бы ответить, что не знает, однако это было

бы уже не совсем правдой.

Она видела второй рисунок.

Не понимала его назначения, не знала, кто его создал и почему он проявился рядом со старинным инструментом, но в существовании скрытой вышивки больше не сомневалась.

— Под серебряными нитями проходит ещё один узор.

Лаверия опустила взгляд на платье.

— Я ничего не вижу.

— Я знаю.

— Откуда?

Эврайна вспомнила вчерашний рукав Алейсы Торн.

Тогда прозрачная линия мелькнула лишь на секунду. Она решила, что устала после

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.